

Эвакуация в годы Великой Отечественной войны

I. Вступление. Война и людские потери

В Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. СССР понес огромные материальные потери (до 30% материального богатства страны), но страшнее данные о людских потерях.

(Примечание. Предлагаемый ниже расчет выполнен Управлением демографической статистики Госкомстата СССР в ходе работы в составе комплексной комиссии по уточнению числа людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне. — Мобуправление ГОМУ Генштаба ВС РФ, д. 142, 1991 г., инв. №

Таблица 1. Данные комиссии Г. Ф. Кривошеева

Порядок расчета общих потерь СССР	Млн. чел.
Численность населения СССР на 22.06.1941 г.	196,7
Численность населения СССР на 31.12.1945 г.	170,5
В т.ч. родившиеся до 22.06.1941 г.	159,5
Общая убыль населения из числа живших на 22.06.1941 г. (196,7 млн.— 159,5 млн. = 37,2 млн. чел.)	37,2
Количество умерших детей по причине повышенной смертности (из числа родившихся в годы войны)	1,3
Умерло бы населения в мирное время, исходя из уровня смертности 1940 г.	11,9
Общие людские потери СССР в результате войны (37,2 млн. + 1,3 млн.— 1 1,9 млн. = 26,6 млн. чел.)	26

04504, л. 250.)

Первый год войны стал для СССР по количеству потерь катастрофическим. За шесть месяцев 1941 года наша армия потеряла почти такое же количество личного состава, как за весь 1942 год. Немецко-фашистские войска вторглись в пределы страны на глубину от 850 до 1200 км, блокировали Ленинград, находились на некоторых направлениях в 30-35-ти километрах от Москвы, захватили Харьков, большую часть Донбасса и Крыма. Гитлеровцами были оккупированы Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, почти вся Украина, ряд областей Российской Федерации и часть Карело-Финской Республики. Территория, занятая врагом, превышала 1,5 млн. кв. км. На ней перед войной проживало 74,5 млн. человек.

Юрий Житорчук в книге «Так кто же виноват в трагедии 1941 года?» приводит следующие данные: «На территории СССР, оккупированной к ноябрю 1941 года, до войны проживало около 40 % всего населения страны

Оккупационный режим на захваченной территории был беспрецедентным по жестокости и размаху репрессий. Во Всероссийской книге памяти приводятся следующие данные: в результате войны и оккупации Советского Союза из 73 млн. человек на временно оккупированных советских территориях преднамеренно истреблено фашистами 7 420 135 человек, умерло также 2 164 313 человек из 5 269 513 вывезенных на работы в Германию, еще 4 100 000 умерло от преднамеренно жестоких условий оккупации (голод, инфекции, отсутствие медпомощи). Итого 13 млн. 684,5 тыс.

В процентном соотношении структура потерь СССР выглядит так:

41% — потери ВС (включая военнопленных)

35% — потери ВС (без военнопленных, т. е. прямые боевые)

39% — потери населения оккупированных территорий и прифронтовой полосы (45% с военнопленными)

8% — население тыла

6% — ГУЛАГ

6% — эмиграционный отток.

(Данные взяты на сайте: <http://newzz.in.ua/main/1148840998-poteri-sssr-i-germanii-v-vov.html>)

О зверствах нацистов собрано огромное количество материалов. Приведем несколько выдержек из выступления помощника главного обвинителя от СССР Л.Н.Смирнова на Нюрнбергском процессе в феврале 1946 года:

«30 июня гитлеровские бандиты вступили в город Львов и на другой же день устроили резню под лозунгом "бей евреев и поляков". Перебив сотни людей, гитлеровские бандиты устроили "выставку" убитых в здании пассажа. У стен домов были сложены изуродованные трупы, главным образом женщин. На первом месте этой ужасающей "выставки" был положен труп женщины, к которой штыком был пригвожден ее ребенок...

...В поселке Красная Поляна, под Москвой, немецко-фашистские мерзавцы собрали 2 декабря все местное население в возрасте от 15 до 60 лет и заперли в холодном, с выбитыми окнами, помещении районного исполкома, не давая им в течение 8 дней ни хлеба, ни воды. У попавших под эти пытки работниц Краснополянской фабрики А. Зайцевой, Т. Гудкиной, О. Налеткиной и М. Михайловой на руках умерли дети грудного возраста...

В свете этих и других фактов нам представляется тема нашей работы очень значимой, потому что можно с уверенностью сказать, что если бы не было эвакуации, то жертв фашистской агрессии было бы несравнимо больше, а трудная и великая наша Победа далась бы, несомненно, еще сложнее.

2

II. Эвакуация в масштабах страны

Итак, 22 июня 1941 года началась война, и уже 24 июня был образован Совет по эвакуации.

В состав Совета по эвакуации вошли Н.М.Шверник (председатель Совета), А.Н.Косыгин (заместитель председателя), М.Г.Первухин (заместитель председателя), А.И.Микоян, М.З.Сабуров и др.

Размах эвакуации был грандиозный, работа корректировалась прямо на ходу, решения по эвакуации принимались с потрясающей частотностью.

На восток страны двигались бесконечной вереницей эшелоны с людьми и оборудованием, их было так много, что первые месяцы войны они представляли чуть ли не сплошную ленту. Нередко на станциях возникали огромные пробки. Перевозили научные институты, театры, музеи, даже электростанции. Спешно перемещали арестованных. Проблемы с транспортом оказались очень серьезными, и скот, например, гнали своим ходом. Так из Смоленской области эвакуировали до 250 тысяч голов скота.

Далеко не все проходило гладко. К концу первой недели войны германские войска вышли к старой границе СССР. В считанные дни города, находившиеся в тылу, становились прифронтовыми. Эвакуацию пришлось

проводить под вражескими бомбами, а иногда даже под огнем стрелкового оружия противника. В некоторых районах эвакуация происходила стихийно — власти просто не успевали сделать что-то для ее правильной организации. В первые дни войны нередким явлением было паникерство, отсутствие связи между частями, между командирами и подчиненными.

В большинстве случаев люди уезжали без каких-либо личных вещей, в чем были. Зачастую ехали в открытых вагонах, если была возможность, крытые предоставляли женщинам и детям, в один вагон забивалось по 80-90 человек, что превышало норму в 2,5 – 3 раза. Приведем пример с эвакуацией ремесленного училища № 31 из Ленинграда, взятый из монографии «Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: годы и судьбы» профессора Магнитогорского университета М.Н.Потемкиной, чья работа представляла для нас большую ценность: «Состав с 194 учащимися прибыл на станцию Челябинск 19 февраля 1942 г. Ребята ехали в товарных вагонах, без оконных рам, без нар, без топлива. По свидетельству директора училища Иовлева, в пути умерли 42 человека и госпитализированы 65 человек больных. Из прибывших 20 человек нуждались в госпитализации (дизентерия и обморожение), но медпункт принять их отказался и только 22 февраля 1942 г. принял 4 человек. Состав стоял 3-е суток без топлива, санобработку не провели. Учащихся два раза покормили горячим обедом, сухого пайка не дали. Всё это время директор училища и заместитель начальника областного Управления трудовых резервов «обивали пороги». Только вечером 22 февраля 1942 г. вагоны снабдили углём и отремонтировали, а 23 февраля 1942 г. училище было отправлено к месту назначения в Каменск. За время нахождения вагонов на станции Челябинск умерли 7 человек».

Конечно, смертность среди эвакуированных была высокой. Среди решений Челябинского горисполкома есть и такое: «Разрешить отделу вокзалов ЮУЖД, в связи с отсутствием свободных мест, в виде исключения, захоронение трупов, скопившихся на вокзале, в братские могилы по 10-15 трупов в одну могилу». Погибших в дороге хоронили в братских могилах, так что многие потерявшие близких в те дни, не знают, где поклониться останкам родных. Причиной смертности были и голод, и болезни. Оторванные от привычных условий люди, лишившиеся крова, не имеющие возможности соблюдать элементарные гигиенические нормы, не знающие, что стало с их родными в оккупированных территориях или, наоборот, переживающие тяжесть первых военных потерь, были зачастую деморализованы, находились в тяжелом психологическом состоянии. В условиях страшной беды им помогали по мере возможности. На станциях кормили, пусть недостаточно, но организовывали сухой паек, если повезет, то и горячее питание.

Мы отправились к Галине Ивановне Каукиной, председателю магнитогорского общества «Блокадник Ленинграда», желая получить рассказ от непосредственного участника событий. Настоящая эвакуация проводилась по льду Ладожского озера. Так, Кировский завод отправили вместе с работниками в Челябинск. Кстати, в сборнике «На алтарь Победы.

Хроника военного времени» приводится интересный факт в отношении этой эвакуации: свыше 15 тысяч человек были переброшены через кольцо блокады по воздуху. Рабочие, специалисты, сопровождающие свои предприятия к месту назначения, получали на местах подъемные. Это положение касалось и других предприятий. В сентябре 1942 года мама Галины получила повестку, где требовалось собраться в 24 часа и явиться с вещами на вокзал. Гале было восемь лет, младшей сестре три года, старшей скоро должно было исполниться шестнадцать. Была и четвертая сестра. Все девочки болели дистрофией от постоянного недоедания, поэтому их везли на вокзал в тележке дворника. На Финляндский вокзал везли людей ночью в вагонах дачного назначения. В вагонах было темно и тихо, за окнами мелькали деревья, было прохладно, и девочки прижались друг к другу. Утром прибывших погрузили на баржу, многих детей поместили на парходик, сопровождал эвакуируемых сторожевой крейсер. Отправились на Большую землю 10 или 11 сентября. Душераздирающие крики женщин разнеслись тогда, когда люди после налета немцев увидели, что стремительно тонет парходик с детьми, что над ним стоит черный столб дыма. На Большой земле каждому прибывшему выдали большую буханку хлеба и сгущенку. Галина Ивановна пережила последнюю бомбежку в своей жизни именно здесь, на станции Борисово Грива. Фашисты бомбили мирное население, люди разбегались в разные стороны, теряли пожитки, теряли свой паек. А после этого потрясения их ждала мучительная дорога в Сибирь в товарных вагонах, предназначенных для скота. Люди умирали. «Мертвяки есть?» - на остановках этот вопрос задавали какие-то люди, выносили трупы, хоронили наспех. Так и пропадали люди без вести. «Голодный человек безумен и совершает поступки, не подвластные человеческому разуму», - говорит Галина Ивановна. О трудном пути из Ленинграда вспоминают и другие эвакуированные из блокадного города. И.П.Степанов вспоминал: «Нас везли в Челябинск, дорога была трудная, в товарных вагонах умирали люди, на остановках их выносили из вагонов. Так же сняли и наших бабушку и дедушку, где они похоронены, мы так и не знаем. Я сначала попал в Курганскую область, а потом в Магнитогорск». Галина Ивановна рассказывала об этом авторам работы по блокадному Ленинграду: «Первый раз отдохнули в Челябинске. Всех: женщин, мужчин, детей - отправили в баню. Все мы были страшно грязные, худые настолько, что казались однополыми. Мылись все вместе каким-то черным жидким мылом. Но как были этому рады».

По масштабу и организованности советская эвакуация 1941-1942 гг. не знает себе равных. Несмотря на все сложности и проблемы, на восток переместили целую индустриальную державу. Кандидат философских наук С.В.Яшин утверждает, что число эвакуированных предприятий и населения в 1941 году с июля по ноябрь достигло количества 2593 и 18 миллионов соответственно. Французский историк Верт насчитывает 17 миллионов человек, отмечая, что 63-65 миллионов остались на оккупированной

территории. Михаил Фонов утверждает, что за 1941-1942 годы на восток было отправлено 2953 предприятия,

Согласно переписи, только в Закатальский, Ждановский, Имишлинский и Пушкинский районы Азербайджанской ССР было эвакуировано 2745 чел. Из них: русских - 114 чел., украинцев - 65 чел., евреев - 2545 чел. В числе остальных были армяне, татары, молдаване, грузины и даже 13 поляков.

В Городской и Дзержинский районы г. Баку из 1067 эвакуированных к 1 февраля 1942 г. прибыло 387 русских, 386 евреев, 168 украинцев, 73 армян, 5 грузин, 7 азербайджанцев, 11 поляков, 8 татар и представителей некоторых других национальностей.

В Дербентском районе Дагестанской АССР из 330 прибывших из угрожаемой зоны было 47 русских, 212 евреев, 43 украинца и 35 болгар, татар и поляков».

Валерий Кучер, автор книги «Магнитка в 1941-1945 годах» отмечает: «Серьезным испытанием стал прием эвакуированных из Центра и с Юга страны предприятий Наркомчермета. Из прифронтовой полосы в Магнитогорск прибыло 32 предприятия. Только для транспортировки одного завода «Запорожсталь» понадобилась 1000 железнодорожных вагонов». Далее этот же автор пишет: «Кстати говоря, эвакуация рабочих и служащих заводов Наркомчермета и их семей проводилась по личному указанию наркома И. Ф. Тевосяна. Такое право всем наркоматам страны было предоставлено строго секретным постановлением ЦК ВКП (б)¹. Наркомы и директора предприятий старались отправлять в тыл вместе с оборудованием людей и обеспечивать их в дороге питанием. Так что, кроме грузов в Магнитку поступали десятки вагонов с работниками и членами их семей». В. Кучер полагает, что в Магнитку было эвакуировано около 10 тысяч человек.

Исторические поиски позволяют исследователю задуматься о том, как теоретическая история выглядела в судьбах людей. Не каждый человек понимает, что его собственная судьба в столкновении и просто в движении с тысячами других формирует лицо эпохи. Нам удалось познакомиться с судьбами людей, которые пережили страшную войну, каждый вышел из нее со своим опытом. Больше всего мы заострили внимание на судьбах эвакуированных: им было сложнее, труднее выживать. Ведь дома и стены помогают.

III. Жизнь в эвакуации: трагедия и величие человеческих судеб

Чтобы как-то воссоздать жизнь в эвакуации Елизаветы Ефимовны Гагельштейн, мы обращались к воспоминаниям разных людей, что-то реконструировали с помощью сына Елизаветы Ефимовны Ищенко Эрнеста Ильича или ее внучки Елизаветы Эрнестовны Созиновой, что-то приходилось додумывать, а в чем-то помогла сама Елизавета Ефимовна, хотя уже давно нет ее в живых.

. В гражданском браке родился 10 января 1935 года сын Эрнест. Его отец Авдеев Павел Алексеевич воевал, был ранен. Войну молодая художница встретила в Москве, где проживала с сыном у родной сестры Любы. Муж Любы Илья Иванович Ищенко, танкист и капитан, уже имел некоторый боевой опыт, принимал участие в Финской войне. Во время Великой Отечественной он отважно воевал, получил тяжелое ранение, после войны закончил военную академию бронетанковых и механизированных войск им. Фрунзе, в отставку вышел в чине полковника. В 1941 он находился на фронте, а его жена в столице пережила один из наиболее трудных периодов в жизни города, когда разворачивалась битва за Москву. Нет в живых сестер Гагельштейн. Но Эрнест Ильич, которому к началу войны исполнилось шесть лет, помнит стекла, заклеенные бумагой и газетами, помнит, что свет вечерами не зажигали и что бомбили Москву каждый день. В вечернем и ночном небе скользили лучи прожекторов, если пучок света наткнулся на вражеский самолет, то и остальные прожектора устремлялись к обнаруженному объекту, под их светом советские зенитки расстреливали противника. Во время бомбежек сестры Гагельштейн с маленьким Эрнестом уходили в бомбоубежище, расположенное в ближайшем детском саду. Помнит наш собеседник, как однажды бомба срезала целый угол здания, никто, к счастью, не пострадал. Из Москвы на восток страны шла официальная эвакуация, но Елизавета Гагельштейн с сыном отправилась в Магнитогорск самостоятельно, т.к. в рабочем городе проживали ее отец и третья сестра Надежда, перебравшиеся на Урал из Сибири еще до войны. Эрнест Ильич помнит деревянный вагон, посередине которого стояла печь. Возле нее грелись и на ней готовили пищу измученные люди.

В города и деревни нашей страны прибывали тысячи людей. Им необходимо было устроиться, где-то жить, как-то существовать. Под жилье эвакуированным определяли нежилые помещения (например, школы), а также применяли метод уплотнения, который означал, что в квартиру или дом местных жителей подсаживают эвакуированных. Такое было возможно, так как квартиры являлись государственной собственностью. В деревнях, в городах к людям из оккупированных районов относились в основном с пониманием и сочувствием. Обычно местным жителям приносили повестки об уплотнении. Если до войны средняя обеспеченность жилой площадью на человека составляла 4,9 м², то в годы войны в связи с прибытием большого числа эвакуированных этот показатель по некоторым данным равнялся 2,1 м².

В Магнитогорском архиве огромные фолианты решений городских властей в годы войны. Часть материалов записана на папиросной бумаге, тонкой и прозрачной. Мы приведем в пример историю с выдачей жилья эвакуированному инженеру Покрас. Получил он комнату в 12 м², затем решением председателя Кировского райисполкома Белова его семья была выселена в комнату 6-8 м².

Редактор Магнитогорского госархива Г.Мироненко в статье «Шла война...» приводит протокол заседания исполкома Агаповского райсовета от

15 июля 1941 года: «... «2. Обязать председателей сельсоветов предложить председателям колхозов, директорам совхозов организовать встречу семей, для чего провести следующие мероприятия:

а) В 2-дневный срок открыть временные приемные пункты согласно схеме, назначить ответственных за размещение прибывающих семей.

б) Обязать председателей колхозов для расквартирования семей использовать свободные помещения колхозов, Советов и квартиры колхозников.

в) Предложить правлениям колхозов, директорам совхозов организовать общественное питание и обеспечение всем необходимым для нормального существования семей эвакуированных...

4. Во избежание встречных перевозок в связи с отсутствием транспорта в колхозах и совхозах просить исполком облсовета депутатов трудящихся адресовать эшелоны с семьями эвакуированных на следующие станции назначения:

а) ст. Субутак - 450 человек.

б) ст. Гумбейка - 450 человек.

в) ст. Буранная - 450 человек.

г) ст. Магнитогорск - 1900 человек.

На заседании исполкома областного Совета депутатов трудящихся было решено организовать в Агаповском районе три интерната для эвакуированных детей»

Иногда, приняв эвакуированных, местные власти не оказывали им даже той помощи, которая была положена в соответствии с государственными распоряжениями. Своими силами эвакуированные выжить в той обстановке не смогли бы. Вспоминается рассказ Галины Ивановны про девочку-ленинградку, которая оказалась эвакуированной вместе с другими детьми 3-4-х летнего возраста, возможно, это были дети из детского дома или осиротевшие в результате блокады. Таких детей усыновляли жители Урала и Сибири. Дети-сироты попали и в Верхнеуральск, и в Магнитогорск. В Верхнеуральске их очень хорошо приняли, во всяком случае, об этом рассказывал муж Галины Ивановны, сам он родом оттуда. Как выглядела девочка, эвакуированная и удочеренная жительницей Магнитогорска по имени Мария, Галина Ивановна вспоминает с ее слов: «На вид ей было года два, она не могла ни стоять, ни сидеть, все время молчала. Кожа ее была дряблой, как у старика. Через месяц она начала плакать днем и ночью, успокоилась только через несколько недель. Врач установил ее возраст – 4 года».

Ощущение несправедливости от перипетий судьбы в годы войны осталось у Галины Николаевны Каукиной. Много размышляла она над смыслом принимаемых властями решений. Ее семью из блокадного Ленинграда поначалу определили на поселение в деревню Ильинка Кузедеевского района. Это уже была Сибирь. Какой смысл был в том, чтобы посылать в эту деревню эвакуированных, если там не было ни жилья, ни

работы, понять трудно. Во всяком случае, Каукиных с другими эвакуированными отправили из Ильинки еще дальше на восток. До станции Мандыбаш ехали по железной дороге, до рудника Тельбез на санях. На руднике давно обрушилась шахта, работы не было, мама Галины работала техничкой. Жили в комнате на первом этаже в каком-то общежитии. Галина Ивановна помнит красивейшие места, тайгу, куда отправлялись сестры за дровами. Эта тайга их выручила весной, собирали даже кедровые орехи. Щедрость сибирской природы позволяла наполнять подпол какими-то запасами, даже кроликов завела мама Галины, дети потом ходили в сшитых ею шапках. А на ногах – ботинки на деревянной подошве, в морозы любые выходы на улицу отменялись, школа отменялась. Но местные жители относились к эвакуированным далеко не сердечно, в поселке жили спецпоселенцы. Галина Ивановна считает, что люди злыми стали, так как пострадали сами от советской власти. Нигде мы не встречались с прозвищем, которое дали эвакуированным здесь, в Тельбесе. Их местные детишки называли выковырянными. «Родители научили», - считает наша собеседница. С историей Галины Ивановны связана еще одна особенность того времени и того процесса. Решением властей эвакуированных разлучали. Как только исполнилось Зое Каукиной 16 лет, ее отправили в Прокопьевск в ремесленное училище. Это называлось мобилизацией. Вспоминается Галине Ивановне и брат с сестрой из блокадного Ленинграда. По дороге их догнало распоряжение: брату в Сибирь в ремесленное училище, сестре в Казахстан.

В нашем городе были РУ и ФЗО, в которых учились и работали подростки. В октябре 1940 года в городе было организовано 3 училища, в которых обучалось около 3000 человек. В течение нескольких месяцев в Магнитогорске было дополнительно организовано еще 15 училищ и школ, в которых уже обучалось около 20000 человек. В числе учащихся этих училищ и школ были эвакуированные из Днепропетровска, Днепродзержинска, Вологды и других городов, попавших в оккупацию. Учащиеся и выпускники училищ и школ в возрасте 15-17 лет стали работать в основных и других цехах комбината. К концу войны на предприятии в составе рабочих было 66 процентов в возрасте до 25 лет, а в отдельных цехах доходило до 87 процентов.

Валентина Бардина вместе с другими эвакуированными в 1942 г. оказалась в Магнитогорске. Девушку поселили в бараке на пятом участке: с одной стороны – мальчиков, с другой – девочек. В книге «Магнитогорск и Победа» читаем: «Устроили детей на работу в цех металлоконструкций. Валентина работала разметчицей. На огромных кусках металла керном выбивала марку и размер.

Условия жизни в бараках были тяжелые: скученность, антисанитария... Возникла эпидемия чесотки. Тогда из всех барачников переселили в общежитие. Спали на двухъярусных кроватях. Было холодно, голодно. Хлеба давали в сутки 400 граммов. Со своими девушками-землячками Валентина решила бежать домой. Уже добрались до Белорецка, но оттуда их вернули. Приехали в общежитие, а их вещей, которые они

оставили в комнате, и след простыл. Была и вторая попытка бежать. Пришли на вокзал, залезли на платформу с рудой, вымокли под дождем и вернулись сами».

Елизавета Ефимовна поселилась у отца Ефима Григорьевича, который работал наборщиком в типографии газеты «Магнитогорский рабочий». Жили на Щитовых в бараке, в двух комнатах насчитывалось семь человек: Ефим Григорьевич, его дочь Надежда, работавшая врачом, дочь Елизавета, которая к тому времени болела туберкулезом (заразилась в предвоенное время, когда привела в дом и пригрела на некоторое время девушку, оказавшуюся больной), три дочери Надежды и сын Елизаветы. Питались по карточкам, из семи человек пятеро получали норму как иждивенцы.

Эрнест Ильич вспоминает постоянное чувство голода. Основой рациона были хлеб и крупы, большей частью варили жидкие супчики, обедали один раз в день, утром и вечером пили чай, шутили, что употребляли чай, чаек, чаище. Однажды Надежда Ефимовна принесла дополнительный паек: булку хлеба, кусочек масла, 100 г сахарного песка. То лакомство врезалось в память. Тонкий кусок хлеба намазывался тонким слоем масла, посыпался сверху сахаром, потом на него укладывался еще один кусок хлеба. Помнит Эрнест Ильич встречи Нового года – елочку наряжали, сами делали игрушки, клеили цепи. Обострение болезни вынудило Елизавету Ефимовну с сыном уехать в Карагайку (санаторий и деревня в богатейшем на красоты месте), снимать там дом.

Прожили мать с сыном так зиму и лето 1942-1943 гг. Как и в Магнитогорске, ощущение голода не проходило; как и в городе, было холодно – топили, чем попало. Мысль у всех была одна: быстрее бы кончилась война. Жизнь в Карагайке, затем в лесничестве не помогли, болезнь обострялась, в мае 1944 года Елизавету Ефимовну перевезли в Магнитогорск в больницу на Березках. Сам Эрнест Ильич описывает последнюю встречу с матерью: «В середине мая 1944 года я пришел в больницу, чтобы попрощаться маму. Она лежала в четырехместной палате. Кровать ее была у окна, прямо напротив входной двери. У кровати – больничная тумбочка и стул.

- А вот и Эринька пришел, – сказала мама слабым голосом. – Проходи, садись на стульчик.

Лицо у нее было опухшим и какого-то фиолетового цвета.

- Проходи, сынок, не стесняйся, – сказала пожилая женщина, лежавшая на кровати у стены слева. Кровать у противоположной стены была даже без матраца и на ней выделялась старая пружинная сетка. У стены справа лежала на кровати молодая девушка бледная и худая, коротко постриженная.

– Проходи, сынок, посиди рядом с мамой, - повторила бабушка, так как я все еще стоял у полуоткрытой двери палаты. Когда я подошел к маминой кровати и сел на стул, то увидел, что на тумбочке была маленькая тарелочка, на которой лежала тонюсенькая коричневая лепешка, и я невольно сглотнул голодную слюну.

Мама уловила мой взгляд и сказала: - Эринька, скушай лепешку, я уже ела.

Я долго не мог себя пересилить, но, в конце концов, протянул несмело руку и взял лепешку – она была холодная и скользкая. Ни на кого не глядя, я быстро, почти давясь, съел эту лепешку.

– Ну, вот и хорошо, вот и молодец,- сказала мама и, закрыв глаза, как-то тяжело вздохнула. В больнице я пробыл еще с полчаса и потом поехал на трамвае в наш барак». Эрнест Ильич помнит, как бился в рыданиях, осознав, что навсегда потерял мать. Еще не закончилась война, а за Эринькой приехала из Москвы Любовь Ефимовна. Так что наш удивительный герой май 1945 года встретил в Москве, видел знаменитый салют в честь Победы. Впервые чувство сытости Эрнест Ильич помнит в 1947 году. Отменили карточки, хлеба принесли домой много. Никогда люди этого поколения не наступят на брошенный кусок хлеба, поднимут его, перенесут в удобное для птиц место, но пинать и давить не станут.

IV. Цена победы

Была война в истории человечества, самая разрушительная и бесчеловечная. И были люди, обычные люди. Война кромсала их судьбы, лишала родных и близких, отнимала детство. Для многих людей война оборвала связь времен и поколений. Нам хотелось это показать на примерах нескольких судеб, показать, что происходило в огромной стране. Эрнест Ильич вспоминал со слезами случай из военного детства, когда вез в больницу кусок хлеба для своего деда. В холодном дребезжащем трамвае он таки не удержался и съел этот кусочек. Не дает ему покоя до сих пор то воспоминание. Дед скоро выздоровел, а боль от поступка осталась. Все люди, у которых мы брали материал, достойно и честно трудились, не сломала их война, не превратила в озлобленных и обиженных, закалила скорее от жизненных невзгод. Все они, пережившие ту войну, верили в победу, жили сводками с фронта, вносили своей терпимостью и верой маленький вклад в большую Победу. Жаннетта Николаевна вспоминает, как в ее семье негативно воспринимали Сталина, но это не мешало им горячо любить свою родину.

Эвакуированные несли на своих плечах тяжелую ношу. Они потеряли свой родной дом, кров, привычное окружение, соседей, тот же вид из окна. Жить начинали заново, по предписаниям властей, не всегда правильным, далеко не всегда учитывающим пожелания людей, так что даже разлучались семьи. Сам путь из прифронтовой полосы был тяжел, гибли люди, которых хоронили без роду без имени. Но все-таки эвакуация сыграла огромную роль в то время: и потому, что эвакуированные предприятия, и рабочие этих предприятий работали на победу, и потому, что на востоке страны эвакуированные как свежая струя вносили интеллектуальный вклад в развитие областей и потому, что были спасены человеческие жизни. Много можно найти примеров, чтобы рассказать о несправедливостях в отношении

эвакуированных, но ведь правдой является и то, что учились на ходу решать сложнейшие проблемы, связанные с притоком большого количества людей.

Эвакуация помогла раскрыть и лучшие качества людей: взаимопомощь, сострадание, душевную стойкость и доброту...

Используемая литература:

1. М.Н.Потемкина. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: годы и судьбы;
2. Под редакцией И.С.Огоновской, Н.Н.Попова. История Урала с древнейших времен до наших дней: Учебник для 10-11-х классов общеобразовательных учреждений. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2003;
3. М.Е.Горшков. Притяжение горы (очерки 1996-2002 гг.) – Магнитогорский Дом печати, 2002;
4. 50-летию Победы посвящается. Они победили. Сборник воспоминаний о войне. - Село Агаповка, 1995;
5. Общество и власть. Российская провинция 1917-1985. - Челябинская область. Документы и материалы. Челябинск, 2005;
6. Сборник «На алтарь Победы». Хроника военного времени. Главный редактор А.П.Финадеев, к.и.н., председатель Государственного комитета по делам архивов Челябинской области. – Челябинск, 2010;
7. Тогда была война. 1941-1945. – Челябинск, ЧПО «Книга», 2005;
8. Магнитка и Победа. Научно-публицистическое издание, посвященное 65-летию Великой Победы. – ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2010;
9. «Никто не хотел умирать». Научно-исследовательская работа НОУ «Поколение» МОУ «СОШ № 63», 2010 г.
10. Ю.В.Емельянов. Сталин на вершине власти. - М: ВЕЧЕ, 2002;
11. Данные Интернета: <http://www.rus-sky.com/history/library/w/w05>
<http://www.otvoyna.ru/prestuplenie.htm>
<http://newzz.in.ua/main/1148840998-poteri-sssr-i-germanii-v-vov.html>
12. Яшин С. В. Эвакуационные перевозки в годы Великой Отечественной войны. - Железнодорожный транспорт, 2008, N 6;
13. Валерий Кучер. Магнитка в 1941-1945 годах. Подробности, факты, документы. – М.: Издательство РАГС, 2010;